

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ РЕАЛИИ

DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-1-88-109

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ МАНИФЕСТЫ СОВРЕМЕННЫХ ФЕМИНИСТСКИХ СОЦИОЛОГОВ

Е.В. Дорцева, начальник учебного отдела социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 33, г. Москва, Российская Федерация, 119234*

Статья посвящена анализу социологического творчества известных исследовательниц — Энн Окли, Донны Харауэй, Шуламит Файрстоун и Джудит Батлер, которые работали в рамках феминистской парадигмы в социологии, трактующей общественные явления и процессы с феминноцентричной точки зрения. Творчество данных женщин-социологов стало своеобразным интеллектуальным манифестом — письменным изложением научных принципов феминистского направления в социологии, основанных на убеждении в постоянной дискриминации женщин во всех сферах социальной жизни.

Автор анализирует труды яркой представительницы либерально-реформистского направления в феминизме Энн Окли, научное творчество которой разделяет на четыре области: “секс и гендер”, “домашний труд и семейная жизнь”, “деторождение и медицина” и “собственно социология”. Именно Э. Окли считается родоначальником концепции “гендера” в социологии. Она развела понятия “гендера” (пола) как незыблемого биологического признака и как культурной детерминанты, предопределяющей концептуализацию “мужественности” и “женственности”.

Достаточно внимания в статье уделяется одной из основательниц киберфеминизма — направления в современной феминистской мысли, связанного с изучением киберпространства, интернета и информационных технологий — Донне Джин Харауэй, наибольшую известность которой принесла “теория киборга”. Киборг — это существо, пограничное положение которого на пересечении границ между природой и культурой, телом и умом, сексом и полом, фактом и вымыслом, служит доводом к отрицанию биологического секса как детерминанты неравенства положений полов в культуре и обществе.

Значительное место в статье занимает фигура Шуламит Файрстоун — одной из основоположниц радикального феминизма, которая на основе сплава идей, заимствованных из марксизма, феминизма и психоанализа осуществила тонкий научный анализ, позволивший связать между собой структуры гендерного неравенства и экономической стратификации, а также ухудшение окружающей среды и политику научного знания. В стиле, ставшем впослед-

* Дорцева Елена Владимировна, e-mail: edortseva@mail.ru

ствии отличительным признаком феминистских произведений 1970-х гг., Ш. Файрстоун показала явные и скрытые связи между общепринятым выражением гетеросексуальности, “принудительной женственностью” и институционализацией гендерного неравенства.

В завершении статьи автор обращается к творчеству представительницы постструктурализма, специалиста в области феноменологии и теории гендера Джудит Батлер, которая выступает против экзистенциалистского видения проблем личности и бытия, культуры и общей физиологии человека, взаимозависимости между гендером и сексуальными отношениями.

В целом труды современных теоретиков социологии и одновременно феминистских социологов задали новые поля социологического поиска; феминистские социологи призывают к построению новой модели общества, вплоть до установления “нового гендерного порядка” на макро- и микроуровнях социальной жизни.

Ключевые слова: гендер, патриархат, либеральный и радикальный феминизм, киберфеминизм, феминистские теоретики, Энн Окли, Донна Харауэй, Шуламит Файрстоун, Джудит Батлер, феминистская парадигма в социологии, феминистская эпистемология.

INTELLECTUAL MANIFESTOS OF MODERN FEMINIST SOCIOLOGISTS

Dortseva Elena V., Head of the Educational Department, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Leninsky Gory, 1-33, Moscow, Russian Federation, 119234, e-mail: edortseva@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the sociological work of famous researchers — Ann Oakley, Donna Haraway, Shulamit Firestone and Judith Butler, who worked within the framework of the feminist paradigm in sociology, which interprets social phenomena and processes from a femininocentric point of view. The work of these women sociologists has become a kind of intellectual manifesto — a written statement of the scientific principles of the feminist trend in sociology, based on the belief in the constant discrimination of women in all spheres of social life.

The author analyzes the works of a bright representative of the liberal-reformist trend in feminism, Ann Oakley, whose scientific work is divided into four areas: “sex and gender”, “domestic work and family life”, “childbirth and medicine” and “sociology proper”. Exactly E. Oakley is considered the ancestor of the concept of “gender” in sociology. She divorced the concepts of “gender” (gender) as an unshakable biological attribute and as a cultural determinant that determines the conceptualization of “masculinity” and “femininity”.

The article pays enough attention to one of the founders of cyberfeminism — a trend in modern feminist thought associated with the study of cyberspace, the Internet and information technology — Donna Jean Haraway, whose greatest fame was brought by the “cyborg theory”. A cyborg is a being whose borderline position at the intersection of the boundaries between nature and culture, body and mind, sex and gender, fact and fiction, serves as an argument for denying biological sex as a determinant of gender inequality in culture and society.

A significant place in the article is occupied by the figure of Shulamit Firestone, one of the founders of radical feminism. Her works, based on the fusion of ideas borrowed from Marxism, feminism and psychoanalysis, carried out a subtle scientific analysis that allowed linking the structures of gender inequality and economic stratification, as well as environmental degradation and the policy of scientific knowledge. In a style that later became a hallmark of feminist works of the 1970s, Sh. Firestone showed clear and internal links between the generally accepted expression of heterosexuality, “forced femininity” and the institutionalization of gender inequality.

At the end of the article, the author turns to the work of Judith Butler, a representative of poststructuralism, a specialist in the field of phenomenology and theory of gender, who opposes the existentialist vision of the problems of personality and being, culture and general human physiology, the interdependence between gender and sexual relations.

In general, the works of modern theorists of sociology and at the same time feminist sociologists have set new fields of sociological search, these feminist sociologists call for the construction of a new model of society, up to the establishment of a “new gender order” at the macro and micro levels of social life.

Key words: *gender, patriarchy, liberal and radical feminism, cyberfeminism, feminist theorists, Annie Oakley, Donna Haraway, Shulamit Firestone, Judith Butler, feminist paradigm in sociology, feminist epistemology.*

В 70-е гг. XX в. во многом благодаря очередной волне женских движений и проведению вдохновленных ими многочисленных “женских исследований” проблематика гендера, сексуальности и патриархата прочно укоренилась в социальных науках и нашла свое специфическое выражение в социологии. К концу XX в. в ее рамках выделилось несколько исследовательниц, отнесенных впоследствии к ключевым фигурам современной социологической теории — Энн Окли, Донна Харауэй, Шуламит Файрстоун и Джудит Батлер. Эти социологи, активно занимаясь насущными проблемами социального познания, тем не менее, рассматривали их в известной степени субъективно, с позиций так называемой феминистской парадигмы в социологии: модели социального анализа, рассматривающей общественные явления и процессы с феминноцентричной точки зрения, которая не только внесла значительный вклад в саму социологическую науку, но и послужила руководством к социальному действию, направленному на изменение существующего общественного порядка.

Творчество данных женщин-социологов стало своеобразным интеллектуальным манифестом — письменным изложением научных принципов феминистского направления в социологии, основанных на убеждении в постоянной дискриминации женщин во всех сферах социальной жизни. Тем не менее, их творчество, которое редко находит освещение в отечественной социологической литературе, настолько ярко и самобытно, что заслуживает детального анализа.

Яркая представительница либерально-реформистского направления в феминизме, сторонники которого объясняют дискриминацию женщин отсутствием возможности для реализации гражданских и юридических прав, Энн Окли (*Ann Oakley*) родилась в 1944 г. в Великобритании, в семье Ричарда Титмуса, влиятельного социолога, который написал несколько значительных работ, посвященных государству всеобщего благосостояния.

Она получила среднее образование в школе для девочек (*Habeasher's School for Girls*), а в 1965 г. окончила Сомервиль-колледж и поступила в Оксфордский университет. Студенческое исследование, проведенное ею в Оксфордском университете и посвященное изучению домашнего труда, легло в основу докторской диссертации “Секс, гендер и общество”¹, которую она защитила в Лондонском университете в 1972 г. По ее результатам в 1974 г. Э. Окли опубликовала две монографии “Домохозяйка”² и “Социология домашнего труда”³. В этих работах, оказавших впоследствии огромное влияние на социологическое сообщество, и нашел отражение ее профессиональный интерес к феминизму, который примерно с этого времени становится центральной темой творчества данной исследовательницы.

Вехи научной карьеры Э. Окли включают работу в Бедфорд-колледже Лондонского университета, Национальном перинатальном эпидемиологическом отделении Оксфордского университета, Институте образования университета Лондона, в штате которого она состояла продолжительное время. В 1990 г. Э. Окли основала Отделение социально-научных исследований при Лондонском университете, которое возглавляла вплоть до выхода на пенсию в 2005 г.

Следует отметить, что в 1993 г. она также основала Координационный центр по сбору данных в области политики и практической информации (*EPPI-Centre*). Кроме того, Э. Окли занималась созданием художественных произведений. Так, в 1988 г. увидел свет ее роман “Мужская комната”, по мотивам которого впоследствии сняли фильм.

В целом труды Э. Окли сочетают элементы художественной и документальной литературы, научных исследований и вымысла⁴, а если говорить о научном творчестве, то можно выделить четыре области, с помощью которых она проводит свои феминистские идеи. Это “секс и гендер”, “домашний труд и семейная жизнь”, “деторождение и медицина” и “собственно социология”, которые, конечно,

¹ *Oakley A. Sex, gender and society. L., 1972.*

² *Oakley A. Housewife. Harmondsworth, 1974.*

³ *Oakley A. The sociology of housework. Oxford, 1974.*

⁴ *Platt L. Ann Oakley // Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists / Ed. by J. Scott. N.Y.; L., 2007. P. 183–187.*

часто пересекаются друг с другом. При этом, несмотря на то что феминистская ориентация Э. Окли предопределяет ее взгляды на методологию социологической науки, а вопросы гендера поднимаются фактически во всех ее трудах, они олицетворяют те сферы социологии, в которые Э. Окли внесла уникальный вклад.

Именно Э. Окли считается родоначальником концепции “гендера” в социологии. Она развела понятия “гендера” (пола) как неизбежного биологического признака и как культурной детерминанты, предопределяющей концептуализацию “мужественности” и “женственности”. До сих пор она активно защищает свою концепцию гендера, представляющую аналитическую ценность, от критики и даже полного отрицания со стороны постмодернистов (включая феминистских постмодернистов) и социо-биологов. Э. Окли также приводит аргументы в пользу того, что определение пола/гендера играет важную роль в идентификации и исследовании сохраняющегося в обществе экономического неравенства, а также причин, его обуславливающих.

Э. Окли, как она сама пишет в своей автобиографии, “озадачила научное сообщество”, отважившись в своей диссертации на изучение домашнего труда. Ее представления о домашней работе как разновидности труда, который не только требует физических затрат, но и опустошает эмоционально, а также подсчет ею часов, которые женщина затрачивает на такую работу в дополнение или вместо оплачиваемой работы, оказали и продолжают оказывать влияние на современную трактовку понятия “домашний труд” в социологии. Примером служит работа Ивана Иллича “Гендер”, в которой этот ученый признает влияние исследований домашнего труда, проведенных Э. Окли, на свой образ мышления.

В исследованиях домашнего труда, предмета, который ранее не считался достойным изучения социологами, Э. Окли открыла маскулинность самой социологической дисциплины. Не только большинство крупных социологов были мужчинами, но применяемые ими подходы были мужскими по своей сути, поскольку темы, которые не соответствовали мужскому взгляду на мир, зачастую или просто игнорировались, или выводились за пределы социологии. В данной связи работы Э. Окли можно рассматривать как бросающие вызов “мужской гегемонии” в социологии, который нашел особое отражение в ее исследованиях, посвященных проблемам деторождения и материнства.

На протяжении ряда лет Э. Окли работала в сфере медицинской социологии и участвовала в исследованиях по “медицинскому обслуживанию населения”, проведение которых началось с изучения бб

женщин Лондона, только что родивших своих первенцев. В этих исследованиях Э. Окли не только доказала необходимость участия социологов в проблемах социальной защиты женщин-рожениц. В монографии “Стать матерью”⁵ она также обосновала новый взгляд на материнство, который, так же, как и в случае с изучением домашнего труда, явился вызовом гендерно обусловленным стереотипам медицинского вмешательства в репродуктивный опыт женщины. Оценка внутреннего мира участниц исследований посредством интервью и наблюдений за встречами докторов со своими пациентками, стала важной частью ее исследования “Рожаящие женщины: к социологии деторождения”⁶, носивших как социально-научный, так и медицинский характер.

В отношении занятия Э. Окли собственно социологией следует отметить ее особый интерес к соблюдению точности методологии данной науки. Эта исследовательница постоянно подчеркивала важность того, чтобы все исследования социологов становились вкладом в знания, а эти знания могли бы использоваться в критической оценке существующих мифов. Будучи феминисткой, Э. Окли утверждает, что “хорошо построенное экспериментальное исследование играет важную роль в документировании живых реалий жизни женщины и помогает получить практические истины, имеющие потенциал эмансипации”⁷.

В соответствии с ее призывом к производству так называемых “полезных знаний”, которые действительно могут влиять на политику, она защищает выборочные контролируемые исследования как инструмент феминистских исследований и утверждает, что британская социология непозволительным образом пренебрегает экспериментами.

Э. Окли также попыталась продемонстрировать необходимость комбинирования количественных и качественных исследований. В частности, в работе “Эксперименты в знаниях: пол и метод в социальной науке”⁸. Она оспаривает обвинения в “предвзятости” собственных исследований и подчеркивает, что как исследовательские методы, так и области исследования необходимо связывать с тем историческим контекстом, который их породил. Эта посылка при-

⁵ Oakley A. *Becoming a mother*. Oxford, 1979.

⁶ Oakley A. *Women confined: towards a sociology of childbirth*. N.Y., 1980.

⁷ См. подробнее: Оукли Э. Гендер, методология и модусы человеческого знания: проблематика феминизма и парадигматические дискуссии в социальных науках // Введение в гендерные исследования. Хрестоматия. Харьков; СПб., 2001. С. 336–363.

⁸ Oakley A. *Experiments in knowing: gender and method in the social sciences*. Cambridge, 2000.

вела ее к признанию важности метатеоретического анализа, на который была направлена деятельность основанного и возглавляемого ею Научно-исследовательского отдела социальных наук в Институте образования UCL Университетского колледжа Лондона⁹.

Донна Джин Харауэй (*Donna Haraway*) — одна из основательниц киберфеминизма, направления в современной феминистской мысли, связанного с изучением киберпространства, интернета и информационных технологий¹⁰, родилась 6 сентября 1944 г., выросла в Денвере (штат Колорадо, США) в семье ирландских католиков, принадлежавшей к среднему классу. В 1966 г. она окончила католический колледж, получив образование сразу в нескольких областях. Благодаря этому и ее академическая карьера была связана с разными науками: Д. Харауэй специализировалась в зоологии, занималась философией и историей науки, а также английской литературой. В 1972 г. в Йельском университете она защитила диссертацию на тему “Кристаллы, материалы и поля: метафоры организма в биологии развития XX века”¹¹ и ей была присвоена степень доктора биологии. Диссертационное исследование стало точкой смещения интереса данной исследовательницы с биологии как области экспериментальной деятельности к истории и философии этой науки.

В 1974 г. Д. Харауэй получила должность старшего преподавателя факультета истории науки в Университете Джона Хопкинса, в котором проработала шесть лет, пока ей не предложили перейти в новое междисциплинарное экспериментальное подразделение Калифорнийского Университета — “Совет по истории сознания”. Этим подразделением, находящимся в процессе формирования, руководил известный историк литературы и литературный критик Хейден Уайт¹², который вел поиск молодых ученых, по своим интеллектуальным данным готовых работать на стыке разных наук. Он и задействовал Д. Харауэй для преподавания феминистской теории и ведения научных исследований, связанных с темой ее диссертации, а также опубликованными ею провокационными статьями по проблемам приматологии, секса, полов и рас, напечатанным в известном феминистском журнале “Знаки: женщины в культуре и обществе”¹³.

⁹ Энн Окли. URL: ru.knowledgegr.com (дата обращения: 19.11.2021).

¹⁰ Vk.com.cyberfeminism (дата обращения: 19.11.2021).

¹¹ Эта диссертация была опубликована: *Haraway D. Crystals, fabrics, and fields: metaphors of organism in 20th century developmental biology*. New Haven, 1976.

¹² См. подробнее: Олейников А. Хейден Уайт как публичный историк // Новое литературное обозрение. 2019. № 1. URL: www.nlobooks.ru (дата обращения: 19.11.2021); *Doran R. Heyden White and liberation historiography // Rethinking History. The Journal of Theory and Practice*. 2018. Vol. 12. N 4. P. 640–650.

¹³ Англоязычное название “Signs: Journal of Women in Culture and Society”. Основан в 1975 г. Джин Сакс.

Должность, полученная Д. Харауэй в Калифорнийском университете, была первой, которая однозначно связывалась с основанием феминистской теории в США¹⁴.

Как и многие ученые своего поколения, Д. Харауэй активно сочетала научную и общественно-политическую деятельность. В конце 1960-х гг. она принимала участие в движении против войны во Вьетнаме, а в 1970-х стала социалисткой и активисткой антирасистского феминистского движения. Также, еще будучи сотрудником Университета Джона Хопкинса, она вступила в члены марксистско-феминистского Женского союза. Феминизм марксистского толка, а позднее — крайнее левое направление постмодернистского феминизма оказали влияние на выбор ею сферы научной работы, политических пристрастий, а также на характер личной жизни¹⁵. В частности, сочетание личного, политического и научного в судьбе Д. Харауэй нашло отражение в книге-интервью “Подобно листу”, написанной Тирзой Николс Гудив, аспиранткой Д. Харауэй.

Научную деятельность Д. Харауэй отличает широкий междисциплинарный охват. Одновременно она является влиятельным феминистским теоретиком, специалистом в области технических наук и культурологических исследований по проблемам пола. Более того, у Д. Харауэй всегда был широкий круг читателей вне академического мира: в частности, ее “теория киборга”, изложенная в работе “Манифест киборга: наука, технология и социалистический феминизм в конце XX века”¹⁶ привлекла внимание мировой общественности и приобрела культовый статус.

Следует отметить, что термин “киборг” — аббревиатура слова “кибернетический организм”, означает нашпигованный техникой организм (человека или животного), машиночеловека или машиноживотное. Он вошел в обиход в 1960-х с началом космических исследований в США в связи с теоретическими предположениями относительно радикального изменения тел, в результате которого люди и животные смогут жить в открытом космосе. Киборг также является персонажем научной фантастики, таким как главный герой фильмов “Терминатор”.

Если говорить конкретно о работе “Манифест киборга: наука, технология и социалистический феминизм в конце XX века”, то в ней Д. Харауэй заявляет о себе как о личности, отстаивающей по-

¹⁴ См. подробнее: *Schneider J. Donna Haraway: live theory. L., 2005.*

¹⁵ *Lykke N. Donna Haraway // Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists / Ed. by J. Scott. N.Y.; L., 2007. P. 136–140.*

¹⁶ *Haraway D. A cyborg manifesto: science, technology, and socialist-feminism in the late twentieth century // Socialist Review. 1985. N 80.*

литику критического феминизма и антирасизма и ведущей технокультурологические исследования. Она подчеркивает, что киборга следует рассматривать с различных перспектив. С одной стороны, он — пособник как капитализма, так и общественных отношений, пронизанных всеми формами гендерного, расового, сексуального и классового неравенства. С другой стороны, этот образ обладает очень важными способностями. Раскрывая характер этих способностей, Д. Харауэй указывает на то, что образ киборга не является абсолютным продуктом ни природы, ни культуры, также как и абсолютно реальным или вымышленным персонажем. Исследовательница подчеркивает, что киборг занимает пограничное положение на пересечении границ между природой и культурой, телом и умом, сексом и полом, фактом и вымыслом. Находясь в подобном положении, киборг как бы поднимает вопрос о гегемонии и неравенстве, узаконенных посредством сохранения этих границ. Если смотреть с феминистской точки зрения, важно, например, то, что пограничное положение киборга может привести к разрушению любого теоретического обоснования доводов в пользу биологического секса как детерминанты неравенства положений полов в культуре и обществе¹⁷.

В соответствии с теорией киборга Д. Харауэй, тела нельзя признавать неизменчивыми сущностями, также как нельзя узаконивать любые виды социокультурных конструкций и стереотипов. Вместо тел, наделенных признаками пола, в киборгах следует видеть тянущиеся взаимосвязанные цепи слов и материю (вещества), находящиеся в непрерывном процессе реконфигурации. Для описания сложных реконфигураций тел киборгов Д. Харауэй использует термин “материально-семиотические”, с помощью которого подчеркивает, что материальность тел и приписываемые им смыслы взаимосвязаны, поэтому материальность и формирование смыслов не следует разделять.

Помимо образа киборга красной нитью в работах Д. Харауэй прослеживается также ее интерес к взаимоотношениям между человеком и животными. По ее мнению, животные, как и киборги, находятся на границе между миром людей и миром всех тех, кто “не является людьми” — категорией, включающей в себя как животных, так и машины¹⁸.

Одним наглядным примером служит ее революционное исследование приматов “Представления о приматах: пол, раса и природа в

¹⁷ См. подробнее: *Haraway D. Situated knowledge: the science question in feminism and the privilege of partial perspective // Feminist Studies. 1988. N 14.*

¹⁸ См. об этом: *Haraway D. Simians, cyborgs, and women. The reinvention of nature. (Essays from 1978–1989). L., 1991.*

мире современной науки”¹⁹, в котором она убеждает читателя в том, что историю биологии можно трактовать как упражнение в рассуждениях о сексе, поле и расе. Другим примером “пограничной сущности” является так называемая онкомышь — лабораторная мышь, полученная генетически инженерными методами для научных исследований рака груди и ставшая первым в мире запатентованным животным. Лабораторная онкомышь оказывается ключевой фигурой в ее книге “Modest_Ivitness@ Semnd_Millennium. Female-man _Meets_OncoMouse™”, название которой не подлежит переводу, и в которой рассматривается взаимосвязь между такими вещами, как рассказы, мечты, теории и рекламные приемы. Еще один пример — работа Д. Харауэй в области взаимоотношений между человеком и собакой, отраженная опубликованном ею труде “Манифест сопутствующих видов: собаки, люди и существенное различие”²⁰.

Согласно Д. Харауэй, исследователю, вступающему в содержательные разговоры с “фигурами, занимающими пограничное положение”, будь то киборги, приматы, онкомыши и т.п., необходимо выработать новые теоретические и методологические подходы, так называемые “мыслительные приемы”. Таким образом, она сочетает свои лучшие качества биолога, литературоведа, философа и историка науки в высшей степени неортодоксальными и оригинальными исследовательскими методами. Безусловно, это делает стиль ее публикаций и академических трудов очень сложным, перенасыщенным эмпирическим, теоретическим и методологическим содержанием.

В феминистском социологическом сообществе Д. Харауэй получила известность благодаря своему вкладу в эпистемологические дебаты по вопросам феминизма и постмодернизма. В частности, статья “Ситуационное знание: научный вопрос о феминизме и привилегии неполной проекции”²¹ стала ключевой в дискурсе о политике размещения и производства знаний. Д. Харауэй убедительно доказывает, что производство знаний не глобально. Оно должно трактоваться как часть конкретного регионального контекста и всегда рассматриваться как производимое овеществленными субъектами, располагающими лишь частичным доступом к реальности. Тем не менее, в отличие от классического релятивистского постмодернизма, Д. Харауэй призывает к объективности: исследователь должен брать на себя ответственность за как можно более объективное описание

¹⁹ Haraway D. Primate visions. Gender, race, and nature in the world of modern science. L., 1989.

²⁰ Haraway D. The companion species manifesto. Dogs, people, and significant otherness. Chicago, 2003.

²¹ Haraway D. Situated knowledge: the science question in feminism and the privilege of partial perspective // Feminist Studies. 1988. N 14.

этой реальности, даже если оно отчасти является отражением его собственной субъективной позиции.

Шуламит Файрстоун (Shulamith Firestone) — одна из основоположниц радикального феминизма, направления в феминизме, делающего акцент на глубоком конфликте между мужчинами и женщинами, родилась в 1945 г. в Оттаве (Канада), а образование получила в США. Там она окончила Институт искусств в городе Чикаго и получила степень магистра изобразительных искусств²². В 1970 г. Ш. Файрстоун опубликовала работу “Диалектика секса: аргументы в поддержку феминистской революции”²³, ставшую одним из наиболее важных феминистских манифестов наряду с “Загадкой женственности” Бетти Фридан, “Политикой пола” Кейт Миллет и “Женщиной-евнухом” Жермены Грир.

Ш. Файрстоун является одним из первых теоретиков и практиков “радикального феминизма”: она регулярно писала статьи для радикального феминистского журнала “Заметки”²⁴, выступила основательницей нескольких феминистских организаций — “Радикальные женщины Нью-Йорка”, “Красные чулочницы”, “Радикальные феминистки Нью-Йорка”.

В целом Ш. Файрстоун разделяла идеи других радикальных феминисток (в частности, К. Миллет, М. Дейли, К. Дельфи и др.) о том, что угнетение женщин — это первая, наиболее распространенная и глубокая форма человеческого угнетения. Главный враг женщин — это патриархат: комбинация социальной, экономической и культурной систем, которая утверждает мужское превосходство²⁵.

Радикальный феминизм определяет патриархат как “систему власти, при которой именно мужчине принадлежит верховная власть и экономические привилегии”²⁶ и рассматривает его как автономную социальную, историческую силу²⁷. Патриархат — это специфическая форма жизни, основанная на том, что мужчина присваивает себе лучшие социальные роли и всегда держит женщину в подчиненном положении. Патриархальные отношения действуют скорее как кастовая система, в которой один пол — мужской, по своей природе

²² Franklin S. Shulamith Firestone // Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists / Ed. by J. Scott. N.Y.; L., 2007. P. 77.

²³ Firestone S. The dialectic of sex — the case for feminist revolution. N.Y., 1968.

²⁴ Полное название на английском языке «Ms Magazine “Feminist Notes”: on Third World Feminist Women’s Project».

²⁵ Coote A., Campbell B. Sweet freedom. L., 1982. P. 216.

²⁶ Eisenstein Z. Socialist feminist and the case for capitalist patriarchy. N.Y., 1979. P. 17.

²⁷ Anderson M. Thinking about women: sociological perspectives on sex and gender. N.Y., 1993. P. 330.

обладает большей силой, а, следовательно, и властью. Хотя мужчины наделены не одинаковой степенью общественной власти и влияния, все они разделяют общие патриархальные взгляды, извлекают выгоду из господствующего положения мужчин в обществе и получают привилегии из своей принадлежности к мужскому полу. Они присваивают большую часть материальных благ и социальных привилегий и практикуют сексуальное и физическое насилие над женщинами, в частности, контролируют женскую сексуальность.

Радикальные феминистки также считают, что угнетение и неравенство отношений между мужчинами и женщинами начинается не в большом обществе, а в близких личных отношениях, в сексуальном партнерстве и семьях. Личные отношения являются также “политическими отношениями”, поскольку они основываются на разных степенях власти, что предопределено принадлежностью к мужскому или женскому полу. Религия, право, традиции, образование, средства массовой информации являются отражением патриархальных отношений, идей и власти, которые возникают изначально из власти отдельных мужчин над отдельными женщинами и которые затем проецируются на все общество.

В данной связи основная цель радикальных феминисток заключается не в том, чтобы добиться равных прав с мужчинами, поскольку они вовсе не стремятся, чтобы женщины стали такими же, как мужчины. Они хотят полностью освободить женщин от патриархального гнета с помощью социальной, феминистской, революции, при которой, в частности, произойдет реструктуризация личной, семейной и частной жизни. Следует отметить, что в самой своей экстремальной форме радикальный феминизм рассматривает мужчину в качестве врага и провозглашает требование для женщин “дистанцироваться от мужчин”.

Однако Ш. Файрстоун, на основе сплава идей, заимствованных из марксизма, феминизма и психоанализа, осуществила тонкий, научный анализ, позволивший связать между собой структуры гендерного неравенства и экономической стратификации, а также ухудшение окружающей среды и политику научного знания. В стиле, ставшем впоследствии отличительным признаком феминистских произведений 1970-х гг., Ш. Файрстоун показала явные и внутренние связи между общепринятым выражением гетеросексуальности, “принудительной женственностью” и институционализацией гендерного неравенства. Ответственность за дискриминацию по признаку пола она возложила на “общество, насыщенное сексуальной полярностью”, отягощенное расизмом, классовым неравенством, избыточным потреблением и спадом производства.

Как и все сторонники радикального феминизма, Ш. Файрстоун выбрала мишенью “культуру романтической любви”, “идеал красоты” и “культивирование женственности”, считая их фальшивыми и являющимися первопричиной низкой самооценки женщин и их явно девальвированного социального статуса. Находясь в равной мере под влиянием Фридриха Энгельса и Симоны де Бовуар, она увидела неразрывную связь между дефектами промышленного капитализма и структурами пола, брака, детства и традиционной семьи, внутри которых дети воспринимаются как собственность родителей. Она утверждала, что “капитализм дал импульс развитию наихудших черт патриархата”, в то время как биологическая семья сохранила как хорошие, так и плохие его черты.

Следует отметить, что этой исследовательнице также приписывают идеи радикальных феминисток о том, что для того, чтобы избавиться от патриархата, необходимо начинать с уничтожения полового статуса, роли, темперамента и социальных конструкторов, которые были сформированы в условиях патриархата, поскольку патриархат установлен через связи между мужчинами. В таком случае сплоченность женщин представляется единственно эффективным средством в борьбе за их освобождение. Полная изоляция от мужчин (возможно и посредством новых репродуктивных технологий), а также избавление от институций, отношений, ролей и видов деятельности, которые определены мужчинами, управляются мужчинами, приносят выгоду мужчинам и поддерживают мужские привилегии²⁸, служат своеобразными лозунгами, направляющими политические действия представительниц данного направления.

На самом деле, во многих отношениях доводы Ш. Файрстоун носили иной характер. Так, несмотря на то что ее часто представляют поборником технического детерминизма, в своих рассуждениях С. Файрстоун подчеркивает социальную обусловленность технологии и, как следствие, существование социальных пределов ее роста. По ее мнению, именно революционная сила технологического прогресса установила принципиальную связь между феминизмом и радикальной экологией, так как, по ее мнению, необходимость более строгого технологического контроля как над производством, так и воспроизводством человека в конечном итоге становится определяющей в вопросе выживания человека. «Таким образом, — утверждала она, — что касается современной технологии, революционное экологическое движение могло бы иметь ту же цель, что и феминистское движение: контроль новой технологии в интересах

²⁸ *Tong M. Feminist thought: a comprehensive introduction. Boulder, 1989.*

гуманных целей, установление выгодного “человеческого” равновесия между обществом и новой, создаваемой им искусственной средой обитания, взамен разрушенного “естественного баланса”»²⁹.

Именно в технологиях Ш. Файрстоун видит средство спасения социума от деградации, а окружающей среды — от разрушения. При этом она пыталась доказать, что наука и техника не могут привести к данным целям без радикальных социальных изменений. Необходимым условием для установления “нового экологического баланса”, создания альтернативы “притеснениям в биологической семье”, а также “полной реорганизации экономики”, является феминистская революция.

Расширяя эти задачи, Ш. Файрстоун выступала за постепенный отход от жесткого и морализаторского биологизма, в котором ностальгически хотят видеть опору идеи “естественности” пола, родительских обязанностей и репродуктивного поведения. Так, она прославилась, подобно Симоне де Бовуар, своими рассуждениями о том, что бремя деторождения, наложенное на женщин, является “первобытным”, а бесчеловечные условия труда работников предприятий — узаконенными капиталистической логикой “привыкания”. Но в то же время эта исследовательница искала технологические, социологические и философские решения, сосредоточивая внимание, прежде всего, на контроле деторождения посредством искусственных сред (пробирок или искусственных маток)³⁰ и производства (за счет “кибернетизации”).

Работы Ш. Файрстоун³¹, также как и труды Д. Харауэй, представляют собой смесь технологического оптимизма и пессимизма в сочетании со склонностью к революционным манифестам. Но они также содержат немало важных догадок о влиянии гендерных стереотипов на технологическое развитие, способности новых технологий усилить социальное неравенство и одновременно, по иронии, изменять или разрушать установленные социальные структуры.

Хотя аргументация Ш. Файрстоун основана на слишком сильной вере в возможности новых репродуктивных технологий “освобождения женщин”, в ней можно увидеть одну оговорку: новые репродуктивные технологии лишь увеличат гендерную полярность, если их применение не будет сопровождаться радикальным пересмотром традиционного разделения половых ролей, родительских обязанностей и функций семьи. Она даже пророчески предупреж-

²⁹ Franklin S. Shulamith Firestone // Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists / Ed. by J. Scott. N.Y.; L., 2007. P. 79.

³⁰ Firestone S. The dialectics of sex: the case of feminist revolution. N.Y., 1992. P. 43.

³¹ Firestone S. Notes from the first year. N.Y., 1968.

дала, что «в руках современного общества и под руководством современных ученых (немногие из которых — женщины и, более того, феминистки), любая попытка применения технологии с целью “освобождения” кого бы то ни было является сомнительной»³².

Перу Ш. Файрстоун также принадлежит книга “Безвоздушные пространства”³³, опубликованная через тридцать лет после первого издания монографии “Диалектика секса: аргументы в поддержку феминистской революции”. Эта книга представляет собой серию сжатых зарисовок из непростой жизни самой Ш. Файрстоун, наполненной различными перипетиями: от неустроенности личной жизни, частой потери заработка, до помещения в специальные лечебные учреждения. В ней же она изображает зачастую сюрреалистические каждодневные миры своих друзей и знакомых, многие из которых разделяют ее маргинальный образ жизни и связанные с ним риски приобрести пагубные привычки, оказаться в нищете, решится на самоубийство или погрузиться в депрессию. С тем же пафосом и с тем же объективным пониманием цены структурного неравенства, но на языке анализа и описаний, она обращает свой революционный пыл на маргинальность повседневной жизни.

Начиная с яркого теоретического представления гендерной проблематики, технологий и изменения общества, опубликованного ею в середине периода революционных общественных движений, и кончая суровой картиной собственного изгнания из общества в конце XX в. (в виду заболевания шизофренией — Прим. Е.Д.), Ш. Файрстоун остается идеологом радикально-феминистского видения гендерного неравенства, обусловленного давлением на женщину патриархальной социальной структуры.

Известный философ и социолог, представительница постструктурализма, специалист в области феноменологии и теории гендера³⁴ Джудит (Юдифь) Батлер (*Judith Butler*) родилась в 1956 г. в США, в семье иудеев, выходцев из России и Венгрии.

В 70-х гг. XX в. Дж. Батлер изучала философию в колледже Бенмгтона в Вермонте, а затем в Йельском университете. По программе научных обменов она была отправлена на стажировку в Гейдельбергский университет (Германия), где изучала европейскую философию и посещала лекции и семинары философа Ганса-Георга Гадамера. После возвращения в Йельский университет Дж. Батлер уже в качестве аспирантки ходила на лекции Жака Дерриды и Поля де Мана, с

³² *Franklin S. Shulamith Firestone* P. 80.

³³ *Firestone S. Airless spaces*. N.Y., 1998.

³⁴ См. об этом: *Borgerson J. Judith Butler // Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists* / Ed. by J. Scott. N.Y.; L., 2007. P. 47–51.

идеями которых, однако, не всегда была согласна. Под руководством Мориса Натансона, последователя Эдмунда Гуссерля, учившегося вместе с Альфредом Шюцом, Дж. Батлер защитила диссертацию на тему “Субъект желания — рефлексии о Гегеле во Франции XXI века”, результаты которой были опубликованы в монографии “Субъект желания”³⁵.

Спустя три года она опубликовала монографию “Гендерное беспокойство: феминизм и инверсия идентичности”³⁶, которая, несмотря на критику, стала бестселлером. Именно на основе данной книги родилась так называемая “квир-теория” Дж. Батлер, согласно которой, как считали многие, “половое поведение можно выбирать или менять, словно театральный костюм”. Безусловно, Дж. Батлер внесла вклад в данное новое направление философии, однако она подчеркивала, что такое понимание ее книги ошибочно, поскольку не учитывает связи этой теории с идеями Гегеля и основными аспектами феноменологии³⁷.

Все работы Дж. Батлер, среди которых “Фуко и парадокс знаков тела” (1986)³⁸, “Тела, имеющие значение: о дискурсивных теориях пола” (1993)³⁹, “Психика власти: теории субъекции” (1997)⁴⁰, “Уничтожение пола” (2004)⁴¹, “Самоотчет” (2005)⁴² и др., чрезвычайно содержательны и глубоки. Они написаны прекрасным, ярким языком и посвящены таким проблемам, как формирование личности, вербальная коммуникация, а также современному звучанию идей гегелианской философской школы. В них Дж. Батлер выступает против экзистенциалистского видения проблем личности и бытия, культуры и общей физиологии человека, взаимозависимости между гендером и сексуальными отношениями. Другими словами, она затрагивает все аспекты мужской и женской психофизиологии, а также ее проявлений в мужском и женском половом поведении. Посредством подробного и глубокого анализа идей Зигмунда Фрейда и французского философа Мишеля Фуко этой исследовательнице удалось создать новую фундаментальную теоретическую базу, соприкасающуюся с различными отраслями философии. В частности,

³⁵ Butler J. *Subjects of desire*. N.Y., 1987.

³⁶ Butler J. *Gender trouble: feminism and the subversion of identity*. N.Y., 1990.

³⁷ Borgerson J. Judith Butler. P. 47–51.

³⁸ Butler J. Foucault and the paradox of bodily inscriptions // *Journal of Philosophy*. 1989. N 86.

³⁹ Butler J. *Bodies that matter: on the discursive limits of “sex”*. N.Y., 1993.

⁴⁰ Butler J. *The psychic life of power: theories of subjection*. Stanford, 1997.

⁴¹ Butler J. *Undoing gender*. N.Y., 2004.

⁴² Butler J. *Giving an account of oneself*. N.Y., 2005.

Дж. Батлер внесла существенный вклад в развитие феноменологии, а именно в такие ее направления, как эволюция сознания личности и ее восприятие внешнего мира.

Дж. Батлер, следуя феноменологической традиции, в рамках которой исследуются сущность, взаимозависимость и онтологическая важность явлений, а также рамки понимания таких противоположных понятий, как конечность и бесконечность, бытие—небытие, личность и общество, белые и черные (в расовом противостоянии) расы, предпринимает попытку объяснить данные феномены с точки зрения отношений между мужским и женским началами и их влиянием на процесс формирования психологии и полового поведения личности. Согласно Дж. Батлер, способность индивида воспринимать и понимать окружающий мир ограничена повторяющимися типами общепринятого поведения и жестов, выбор которых с одной стороны произволен, а с другой — предопределен.

Эти типы она называет “перформативными итерациями”⁴³. Перформативные итерации — это не простое выражение эмоций в тех или иных жизненных ситуациях, а “регулярное и вынужденное повторение норм поведения, в результате которого формируется личность, проявляющая естественное поведение, в том числе и сексуальное”⁴⁴.

Однако необходимо подчеркнуть, что использование Дж. Батлер термина “перформативный” является формальным, идущим от семиотической связи между словами и понятиями или между словами и другими языковыми знаками. По этой причине семиотика, или наука о знаках, а также другие теории играют основополагающую роль в построении логичной и понятной модели формирования личности. Индивидуум приходит в мир, уже имея лингвистические способности, которые проявляются в процессе использования языка жестов, движения тела, попыток разговора, размышления и других перформативных действий. Таким образом, содержание слова “перформативный” не может быть передано с помощью таких понятий как “действие”, “поступок”, “поведение”. Оно созвучно терминологии, использованной в работе И. Гофмана “Представление себя другим в повседневной жизни”, в которой описываются поведенческие аспекты личности и то, как они влияют на ее развитие, что является решающим фактором в процессе формирования образа себя и представлении его другим людям.

⁴³ *Iterations* в дословном переводе с английского “повторение”.

⁴⁴ *Borgerson J. Judith Butler. P. 48.*

В своих работах Дж. Батлер постоянно отмечает, что понятие индивидуума или личности недостаточно проработано с позиции проблемы объективной реальности и бытия. Данный вопрос характерен для экзистенциальной философии, которая пытается понять, что первично — бытие или действие. Как считает эта исследовательница, бытие никогда не будет устойчивым и завершенным, поскольку оно постоянно находится в движении и циклической итерации. Поэтому перформативные итерации формируют личность, а не наоборот. Таким образом, она утверждает, что итерации осуществляет не человек, а окружающие его индивиды: благодаря им формируется сам человек и устанавливаются временные условия его существования.

Идеи Дж. Батлер о формировании личности через перформативные итерации демонстрируют фундаментальный характер ее теоретического подхода. Как утверждает сама исследовательница, “если какая-либо структура или личность в своем развитии проявляет повторяющиеся действия, то данная структура не может быть идеальной или абсолютной, поскольку она существует в процессе непрерывных итераций. Итерация и повторяемость являются необходимостью”⁴⁵.

Итак, согласно Дж. Батлер, формирование личности через итерации происходит через повторение ожидаемых и признанных обществом действий, жестов и поступков. Однако подобная трактовка не учитывает возможности появления случайных обстоятельств. В данной связи Дж. Батлер настаивает на том, что необходимо понимать потенциально возможные различные варианты поведения личности, которые ожидаются обществом в различных ситуациях. Хотя появление этих возможных вариантов и бросает вызов теории, но само их наличие не должно пониматься как намерение эту теорию оспорить. Дж. Батлер следующим образом объясняет этот казус: “...если типичные итерации изменяются и эволюционируют, то все, на чем они основывались, и что признавалось объективной и идеальной логической конструкцией, также может быть подвергнуто сомнению. Это в свою очередь открывает возможность возникновения различных понятий и явлений, которые зависят от конкретных обстоятельств и могут меняться”⁴⁶.

В настоящее время Дж. Батлер, является профессором риторики и сравнительной литературы Калифорнийского университета в Беркли, работает в различных областях философии⁴⁷ и пишет для

⁴⁵ Borgerson J. Judith Butler. P. 49.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Одна из последних работ Дж. Батлер “Who Sings the Nation State. Language, Politics, Belonging” (2007) посвящена еврейской философии.

широкого круга читателей. Ее работы, некоторые из которых переведены и на русский язык⁴⁸, помогают переосмыслить историю идей и расширить понятийный аппарат, касающийся социологии повседневной жизни человека. У Дж. Батлер есть веб-страницы, журналы поклонников, ее работам посвящают учебные программы и диссертации.

В целом труды современных теоретиков социологии и одновременно феминистских социологов задали новые поля социологического поиска: гендерные отношения сейчас являются самой стабильной темой в прикладных социологических исследованиях в Западной Европе и США, а различия по признаку пола уже не рассматриваются в качестве независимой переменной. Они служат показателем, присутствие которого имплицитно подразумевает существование нормативного стандарта гендерного равенства. Более того, акцент на сохраняющейся дифференциации между мужчинами и женщинами привел к более четкой восприимчивости гендерных различий при анализе классовых, расовых, статусных и других социальных отношений.

Исследования в специализированных изданиях, например, в “Американском социологическом журнале” или в журнале “Современная социология” свидетельствуют о наличии динамичного феминистского социологического сообщества, которое продолжает сочетать исследовательскую работу с попытками повлиять на общественное мнение, чтобы изменить окружающий мир.

Феминистские социологи ведут диспут с традиционной социологией не только по вопросам гендерных принципов социального взаимодействия, построению новой модели общества, вплоть до установления “нового гендерного порядка”, границ субъективности социального опыта и интеграции макро- и микроуровней социальной жизни⁴⁹.

Феминистская социологическая теория начинается с социологии познания, которая получила название “феминистской эпистемологии”, в рамках которой феминистские социологи пытаются описать, проанализировать и изменить мир с позиций женщин. При этом они исходят из следующих посылок:

⁴⁸ На русском языке изданы: Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции. Харьков; СПб., 2002; Батлер Дж. Лакан, Вивьер и стратегии маскарада // Гендерные теории и искусство. Антология: 1970–2000. М., 2005.

⁴⁹ Benjamin J. The bonds of love: psychoanalyze, feminism and the problem of domination. N.Y., 1988; Bordo S. Feminism, postmodernism and gender skepticism // Feminism/Postmodernism / Ed. by L. Nicholson. N.Y., 1990; Hennessey R., Ingraham C. Introduction: reclaiming anticapitalist feminism // Hennessey R., Ingraham C. Materialist Feminism. N.Y.; L., 1997.

- все познающие субъекты находятся в группах, которые занимают различные статусные позиции в социальной структуре общества;
- знания этих субъектов всегда фрагментарны и ангажированы, а не целостны, полны и объективны;
- сами эти знания продуцируют различия как в самих социальных группах, так и между ними;
- они всегда подкрепляются системой властных отношений, поскольку сформулированы с точки зрения доминирующей и доминантной групп⁵⁰.

На базе этих посылок феминистские социологи не только пытаются описать, проанализировать и даже изменить окружающий мир с позиций женщин. Они рассматривают знание как часть системы мужской власти, которая управляет обществом. Именно с этой целью они предприняли попытки создать “баланс власти” внутри социологической теории, т.е. внедрить в нее точку зрения женщин в качестве одной из отправных для конструирования социального знания. По их мнению, эта женская точка зрения является продуктом социальной солидарности, исторически выработанной женским сообществом.

На протяжении всей истории развития человечества женщины, находясь во власти патриархальных отношений, независимо от их этнической и классовой принадлежности были “привязаны” к задачам социального воспроизводства — рождению и воспитанию детей, ведению домашнего хозяйства, заботе о больных и престарелых, эмоциональному и сексуальному обслуживанию мужчин, что обусловило их “классовую солидарность”. Однако гендерное неравенство имеет “пересечение” с классовым, расовым, статусным, возрастным, которые объединены в комплексную систему социального неравенства. Эти “внутренние пересечения” различных аспектов неравенства и служат интегральным предметом современного феминистского социологического анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батлер Дж.* Психика власти: теории субъекции. Харьков; СПб., 2002.
- Батлер Дж.* Лакан, Вивьер и стратегии маскарада // Гендерные теории и искусство. Антология: 1970–2000. М., 2005.
- Миллет К.* Сексуальная политика // Вопросы философии. 1994. № 9.
- Оукли Э.* Гендер, методология и модусы человеческого знания: проблематика феминизма и парадигматические дискуссии в социальных науках // Введение в гендерные исследования. Хрестоматия. Харьков; СПб., 2001. С. 336–363.
- Теория и история феминизма / Под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков, 1996.

⁵⁰ *Hardling S.* Feminism and methodology. Bloomington, 1987. P. 211.

REFERENCES

- Anderson M.* Thinking about women: sociological perspectives on sex and gender. N.Y., 1993.
- Batler Dzh.* Lakan, Viv'èr i strategii maskarada [Lacan, Vivier and Masquerade Strategies] // *Gendernye teorii i iskusstvo. Antologiya: 1970–2000.* M., 2005 (in Russian).
- Batler Dzh.* Psihika vlasti: teorii sub"ekcii [The psyche of power: the theory of subjection]. Har'kov; SPb., 2002 (in Russian).
- Benjamin J.* The bonds of love: psychoanalyze, feminism and the problem of domination. N.Y., 1988.
- Bordo S.* Feminism, postmodernism and gender skepticism // *Feminism/Postmodernism* / Ed. by L. Nicholson. N.Y., 1990.
- Borgerson J.* Judith Butler // *Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists* / Ed. by J. Scott. N.Y.; L., 2007.
- Busfield J.* Dorothy Smith // *Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists* / Ed. by J. Scott. N.Y.; L., 2007. P. 200–205.
- Butler J.* Subjects of desire. N.Y., 1987.
- Butler J.* Foucault and the paradox of bodily inscriptions // *Journal of Philosophy.* 1989. N 86.
- Butler J.* Gender trouble: feminism and the subversion of identity. N.Y., 1990.
- Butler J.* Bodies that matter: on the discursive limits of "sex". N.Y., 1993.
- Butler J.* The psychic life of power: theories of subjection. Stanford, 1997.
- Butler J.* Undoing gender. N.Y., 2004.
- Butler J.* Giving an account of oneself. N.Y., 2005.
- Coote A., Campbell B.* Sweet freedom. L., 1982.
- Eisenstein Z.* Socialist feminist and the case for capitalist patriarchy. N.Y., 1979.
- Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists* / Ed. by J. Scott. N.Y.; L., 2007.
- Firestone S.* Notes from the first year. N.Y., 1968.
- Firestone S.* The dialectics of sex: the case of feminist revolution. N.Y., 1992.
- Firestone S.* Airless spaces. N.Y., 1998.
- Franklin S.* Shulamith Firestone // *Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists* / Ed. by J. Scott. N.Y.; L., 2007.
- Haraway D.* Crystals, fabrics, and fields: metaphors of organism in 20th century developmental biology. New Haven, 1976.
- Haraway D.* A cyborg manifesto: science, technology, and socialist-feminism in the late twentieth century // *Socialist Review.* 1985. N 80.
- Haraway D.* Situated knowledge: the science question in feminism and the privilege of partial perspective // *Feminist Studies.* 1988. N 14.
- Haraway D.* Primate visions. Gender, race, and nature in the world of modern science. L., 1989.
- Haraway D.* Simians, cyborgs, and women. The reinvention of nature. (Essays from 1978–1989). L., 1991.
- Haraway D.* The companion species manifesto. Dogs, people, and significant otherness. Chicago, 2003.
- Hardling S.* Feminism and methodology. Bloomington, 1987.
- Hennessey R., Ingraham C.* Introduction: reclaiming anticapitalist feminism // *Hennessey R., Ingraham C. Materialist Feminism.* N.Y.; L., 1997.
- Lengermann P., Niebrugge-Brantley J.* Contemporary feminist theory // *Ritzer G. Sociological Theory.* McGraw-Hill, 2000.

Lykke N. Donna Haraway // Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists / Ed. by J. Scott. N.Y.; L., 2007. P. 136–140.

Millet K. Seksual'naya politika [Sexual politics] // Voprosy filosofii. 1994. N 9 (in Russian).

Oakley A. Sex, gender and society. L., 1972.

Oakley A. Housewife. Harmondsworth, 1974 (a).

Oakley A. The sociology of housework. Oxford, 1974 (b).

Oakley A. Becoming a mother. Oxford, 1979.

Oakley A. Women confined: towards a sociology of childbirth. N.Y., 1980.

Oakley A. Experiments in knowing: gender and method in the social sciences. Cambridge, 2000.

Oukli E. Gender, metodologiya i modusy chelovecheskogo znaniya: problematika feminizma i paradigmaticheskie diskussii v social'nyh naukah [Gender, Methodology and Modes of Human Knowledge: Feminist Issues and Paradigmatic Discussions in the Social Sciences] // Vvedenie v gendernye issledovaniya. Hrestomatiya. Har'kov; SPb., 2001. S. 336–363 (in Russian).

Platt L. Ann Oakley // Fifty Key Sociologists: The Contemporary Theorists / Ed. by J. Scott. N.Y.; L., 2007. P. 183–187.

Schneider J. Donna Haraway: live theory. L., 2005.

Smith D. Power and the front-line: social controls in a state mental hospital. Toronto, 1963.

Smith D. The everyday world as problematic: a feminist sociology. Boston, 1987.

Smith D. Texts, facts and femininity: exploring the relations of ruling (Essays of 1978–1990). L., 1990 (a).

Smith D. The conceptual practices of power: a feminist sociology of knowledge (Essays of 1974–1990). Boston, 1990 (b).

Smith D. Writing the social: critique, theory and investigations (Essays of 1991–1999). Toronto, 1999.

Smith D. Institutional ethnography: a sociology for people. Walnut Creek, 2005.

Teoriya i istoriya feminizma [Theory and history of feminism] / Pod red. I.A. Zherebkinoj. Har'kov, 1996 (in Russian).

Tong M. Feminist thought: a comprehensive introduction. Boulder, 1989.

Women look at psychiatry / Ed. by D. Smith, S.J. David. Vancouver, 1975.